

УДК 316

Роль языка в жизни общества

*Галушкин О.Ю., студент
Россия, 105005, г. Москва, МГТУ им. Н.Э. Баумана,
кафедра «Информационная безопасность»*

*Научный руководитель: Ореховская Н.А, д.ф.н., профессор
Россия, 105005, г. Москва, МГТУ им. Н.Э. Баумана
bauman@bmstu.ru*

*Состояние общества оказывает влияние на состояние языка, а общее состояние
языка влияет на состояние общества ...*

Состояние общества оказывает влияние на состояние языка, а общее состояние языка влияет на состояние общества. Взаимовлияние общества и языка подобно взаимовлиянию между человеком и его языком. Чем человек умнее, тем богаче его язык, тем он лучше им владеет и его чувствует. Чем человек глубже и полнее изучает свой язык, тем умнее и мудрее он становится. Язык - это хранитель векового ума и мудрости, которые заложил в него Господь и последующая жизнь поколений. Проникнуть в глубины своего языка всегда проще и естественнее, чем проникать в тонкости чужого языка.

Общество не живёт без идей, законов и принципов, а они в свою очередь не живут без языка. Совокупность базовых идей, принципов, связи между ними и миром - это уже философия. Эта базовая совокупность идей и принципов непременно содержится в языке. В каждом языке содержится философия жизни определённого народа. Язык не только сам по себе есть философия жизни, он и в своих различных понятийных единицах также может содержать конкретные философско-богословские откровения, принципы и идеи.

Среди «западников» считается, что диалектические законы мироздания открыл Г.В.Ф. Гегель. Но это не правда. Они задолго до Гегеля были известны в ряде языков. Возьмём, к примеру, русскую пословицу: «С миру по нитке - голому рубашка». Это ни что иное, как народная форма представления закона перехода количества в качество. Некоторое количество ниток переходит в новое качество в образе рубашки. Очевидно, что тяготения Г.В.Ф. Гегеля к громоздким формализациям и скучным определениям совершенно не обязательны для ясного выражения сути законов диалектики. Об этом более подробно мы поговорим в будущем.

Если присмотреться к западным философам, то можно увидеть, что английские философы Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк и другие черпают свои идеи, прежде всего, из английского языка с его тяготением к простому, очень простому и формальному. Так Томас Гоббс, взирая на языки просто и формально, считал все языки мира искусственными, прямым результатом какого-то соглашения групп людей. Это, конечно, очень сильное упрощение истории происхождения языков. Но что касается искусственности английского языка, то с Т. Гоббсом можно и нужно согласиться.

Тягу англичан к простенькому и формальному можно проиллюстрировать и другими примерами, например, ни то философской, ни то идеологической теорией Ч. Дарвина о естественном отборе и эволюционном развитии отрядов и видов живых существ друг из друга. Подобное выдвигал и другой англичанин А. Воллес. Но уже почти 200 лет их «теории» никак не могут согласоваться с имеющимися, неоспоримыми в науке, фактами.

Немецкие философы Г.В. Лейбниц, Г.В.Ф. Гегель, И.Г. Фихте, А. Шопенгауэр и другие черпали вдохновение и идеи из немецкого языка с присущей ему массивной формальной основательностью и такой же ментальностью. Один пример этого был приведён выше с законом диалектики. Западных учёных не столько интересует жизнь в её сущностно-целостном содержании, сколько возможность построения для неё ограниченных формальных моделей. Примером этого может быть немецкая виртуальная модель решающего влияния норманнов-викингов на культуру и государственность древней Руси. Подробнее об этом можно почитать в [1]. Другой пример западных ограниченных моделей - общая теория относительности А. Эйнштейна. Подробнее о ней будет сказано ниже. Ещё пример - западная модель построения коммунизма. Более обстоятельно ознакомиться с особенностями западного менталитета можно в трудах Ф. Ницше, М. Штирнера, Л. Клагеса и др.

Проблемами духа языка и общества довольно много занимался Г.В.Ф. Гегель. Но он, строго говоря, был не немецким философом, а прусским. Его философия в идейном плане есть прусский вариант духоборства, перекликающийся с идеями русских духоборов. С христианской точки зрения духоборство - это ересь, а с точки зрения западной философии духоборство - это сугегельянство. На Западе средневековая философия и появилась, прежде всего, как формально - модельный противовес и противодействие христианскому богословию.

Кто-то может заметить, что я ссылаюсь на устаревших западных философов и общественные модели, а современные их теории и модели системнее и целостнее.

Западные языки за последние 100-150 лет системнее и целостнее не стали. В эту сторону они даже не дрейфовали. Потому и западное мышление, каким оно было в 19-м веке, таким осталось и сегодня. Западная цивилизация становится всё более цивилизацией искусственной жизни. Она всё более отделяется от естественного мира, всё более теряет связь с естественными жизненными циклами и становится всё более уязвимой. Периоды между кризисными ситуациями на Западе всё более сокращаются, цивилизация гниёт в горах мусора, отходов, вредных выбросов, безнравственности и сменяющих друг друга больших и малых войнах. Западные частные кусочно-формальные модели и цели, вращающие вокруг материальной выгоды, не позволяют им адекватно смотреть на естественный мир.

Международные экологические съезды в 1992 году в Латинской Америке и последний в Иоганнесбурге определили западную цивилизацию как экологически несостоятельную. Русская мысль и русские мыслители тесно связаны с русским языком. Русские писатели часто - и философы, а русские философы - часто и писатели. Русская литература легко отличима от западноевропейских литератур. Русская философия тоже имеет своё особое лицо. Многие западные экзистенциалисты считали своим предшественником и учителем Ф.М. Достоевского.

Русские философы задолго до западных подняли вопрос о наивности веры в прогрессивное и неуклонное развитие западной цивилизации, как и вопрос о необходимости системного изучения человека в его трёхчастной жизни, о порочности постоянного противопоставления субъекта и объекта, о проблеме целостного восприятия жизни [2]. Русские философы также разработали идею многогранной цикличности жизни. Выдающимися представителями русской творческой и философской мысли были и являются: М.В. Ломоносов, А.С. Шишков Ф.М. Достоевский, А.С. Хомяков, Ф.И. Тютчев, К.Н. Леонтьев, Н. А. Бердяев, В.И. Несмелов, Н.О. Лосский, А. А. Богданов, А.Ф. Лосев, В.И. Вернадский, Кондратьев, В.В. Розанов, М.С. Аксёнов. Русский философ М.С. Аксёнов так глубоко проник в категорию времени, построив стройную его теорию, что до него не дотянулся со своими постулатами и теориями А.Эйнштейн. Недавно западные физики опытным путём опровергли ошибочную идею и теорию Эйнштейна, основанную на понимании скорости света как скоростного предела. На ускорителе в Швейцарии они получили скорости заметно больше скорости света. При этом А. Эйнштейна знают почти все, а М. Аксёнова - единицы.

А.С. Шишков писал в 1799- 1803 г.г.: «Мы учителей своих побеждаем оружием, а они побеждают своих победителей комедиями, пудрой и гребешками... Ненавидеть своё и любить чужое почитается ныне достоинством...Такое уничижительное о себе мнение, если

бы оно в каком-нибудь народе укорениться могло, послужило бы к повреждению нравов, к упадку духа и к расслаблению сил умственных и душевных... Но где нет любви к языку своему, там всё молчит, всё вянет, подобно тишине ночи, подобно в осеннее время саду, час от часу больше теряющему зелёные свои листья».

Сказанное А.С. Шишковым ещё в 1799 - 1811 гг., не утратило своей остроты и по сей день, т.е. спустя 200 лет! Далеко не всякий западный философ отличается такой глубиной мысли и провидения общественных процессов, не говоря уж о наших западниках. Уже на основании сказанного, можно заключить, что русский мыслитель чувствует и понимает роль языка в жизни народа качественно более философски, чем некоторые англичане и французы, которые в языке, кроме формальной коммуникативной функции, по большому счету, ничего другого и не замечают.

В подтверждение слов А.С. Шишкова можно привести пример известного западника П. Чаадаева, который отметил в истории своими «Философическими письмами». Показательно, что он отметил не «Философскими письмами», а именно письмами «философическими». История восприняла Чаадаева и запомнила его, не как философа, а как философичека. В этих письмах он довольно живо являет нам характерные особенности российских либералов-западников. Прежде всего, свойственное почти всем им высокое самомнение, торопливость в форсировании общественных процессов, жгучая жажда Запада и его виртуального формализма. Все характерные особенности западников для удобства объяснения их и своей позиции далее можно обозначить одним словом «чаада́». Для них самое важное - опираясь на «чааду́», поспеть за Западом. В чтении западной литературы и философии для них важно не столь понять смысл написанного, как выучить западный текст наизусть, и как можно точнее его скопировать в своём поведении. П. Чаадаева увлекала «сладкая вера в будущее счастье человечества». Сегодня при постоянно увеличивающихся кризисах, сейсмических катаклизмах, цунами, ураганах, уменьшении магнитного поля Земли, нехватки продовольствия, нравственной деформации всё большего числа людей; многим, целостно мыслящим, очевидно, что эта его «сладкая вера» была основана не на мудрости и глубоком анализе жизни, а на виртуальных поверхностных формальностях, навеянных западными псевдо мыслителями.

Может возникнуть законный вопрос: «Кого можно считать философом, а кого - нельзя?» Это вопрос не простой. Ф. Ницше, например, никого из названных выше английских мыслителей философами не считал. Кто-то считает философом немца Л. Фейербаха, а другие полагают, что он рассуждал на уровне подростка. Высокомерный в своём менталитете Запад не признаёт философами русских мыслителей. Однако и Ж.П. Сартра одни почитают философом, а другие считает его не более чем наркоманом. Ясно

одно - понятие «философ» несёт на себе очевидную национальную окраску. Внутри же нации принадлежность к философии формальным путём определить нельзя, также как и демократическим голосованием нельзя определить важность тех или иных научных изысканий в области квантовой физики, языкознания и антропологии. Более не менее, профессионально может определить состоявшегося философа только философски образованное сообщество, состоявшегося физика - только физико-математически образованное сообщество и т.д. В качестве таких сообществ могут выступать соответствующие отделения Академии наук или Высшие аттестационные государственные и международные комиссии.

Можно ответственно заявить, что именно глубина мысленного проникновения в исследуемый предмет есть то принципиально важное, что отличает философский ум и мудрый ум от рядового ума малообразованного человека, человека эмоций, потребителя, обывателя и подражателя.

Вернёмся, однако, к языку. В силу глубокой связи языка и общественной жизни, когда хотят изменить состояние общества, одновременно стараются изменить и состояние языка. По этой причине при проведении крупных общественных реформ, революций и перестроек всегда пытаются проводить открытые или скрытые реформы языка. При этом, надо помнить, что во времена решительных перемен язык реформируют не ради языка, а ради текущих политических целей определённых групп людей или партий.

Чувствуя и понимая с давних времён эту глубокую внутреннюю связь народа, общества и языка, русский человек очень часто определял народ и даже отдельного человека, как язык. Такое же определение можно встретить и у многих русских писателей. Вот примеры: «отряд пластунов взял языка», или «меня поймёт всяк сущий в ней язык: и гордый внук славян, ... и друг степей калмык». И в этом, надо признать, безусловно присутствует философский взгляд русского человека на народ и на язык.

Рассмотрим два состояния общества: 1 состояние - общество суть совокупность индивидов, которые, главным образом, стремятся к абсолютной или возможно большей свободе; 2 состояние - состояние общества, когда сильно развиты общественные связи и отношения; человеческие связи, связи людей и общества с природой, духовным и культурным миром весьма многоплановы.

В обществе 1-го состояния связи человека с обществом и между людьми во времени в целом стремятся к нулю. В нём человек уходит в свой внутренний мир и в нём замыкается. Человека не интересует, кто живёт с ним рядом. Из своей родни он часто, кроме матери и отца, никого не помнит. Национальная история и культура ему мало интересна или совсем не интересна. Семейные узы тоже всё более тяготят свободного

человека, и семьи всё более вырождаются. При достижении абсолютной свободы мир внешних и внутренних связей и зависимостей в обществе абсолютно выродится. Такое состояние, правда, труднодостижимо, но надо признать, что, чем больше свободы, тем более вырождаются межличностные связи и зависимости. По мере этого вырождения будет вырождаться и необходимость общения, а, следовательно, будет вырождаться и язык. Следовательно, чем члены общества более свободны друг от друга, тем язык этого общества будет всё более упрощаться и обедняться выразительными средствами.

В общества 2-го состояния языковые процессы имеют совсем другую направленность. Чем богаче отношения и связи человека с обществом и миром в целом, тем богаче понятийный словарь языка, его словообразовательный багаж, тем он тоньше и точнее передают оттенки и особенности отношений, тем развитее морфология и фонетика языка и тем развитее национальный язык в целом. Таким образом, чем общество является в большей степени организмом, а не формальным образованием, тем оно имеет более развитый по своим выразительным средствам и возможностям национальный язык.

Понятие «свобода», как это ни прискорбно для либералов, не может быть свободным от связей с другими понятиями. Оно связано с таким понятием, как «степени свободы». В противном случае не ясно, в какой степени и от чего свободно какое-то явление или субъект. Поэтому, чем больше степеней свободы у субъекта в обществе, тем более простым и менее выразительным будет язык этого субъекта. Понятно, что гипертрофия свободы личности в обществе будет разрушать язык и культуру общества в целом.

Естественная человеческая потребность проникновения в природные среды, связи, законы и зависимости, его несвобода от указанных данностей, - есть естественная основа развития языка, культуры и цивилизации. Потребность же некоторых западных людей увеличивать степени своей свободы и независимости будет приводить общество ко всё большему упрощению и деформации языка, культуры, и нравственного облика человека и цивилизации. Это достаточно хорошо видно на примере современных западных семей.

Семья - это тоже общество со своими отношениями, привязанностями, ценностями и обязанностями. Члены семьи, стремясь к большей свободе и независимости и личным правам, теряют любовь, взаимопонимание и общий язык, их отношения со временем принимают всё более формальный, жёсткий, а иногда и уродливый характер. Рвущиеся отношения всё чаще сопровождаются такими репликами как: «ты меня не понимаешь», «ты меня не хочешь понять», «мы говорим на разных языках». Последняя реплика, если она часто повторяется, является свидетельством фактического распада семьи. Западные семьи часто строятся не на живых чувствах, а на формальных юридических контрактах. И

самое печальное то, что уже и отношения родителей с детьми тоже строятся на формальных юридических принципах, когда ювенальные надзорители могут вторгаться в живое тело семьи и разрывать отношения подростка с родителями. Формализация отношений в семье неизбежно приводит семью, малое общество, к распаду. Приведу пример заформализованности мышления ювенальщиков. По их же словам, их беспокоит моральное давление на детей в православных и традиционных семьях, где применяют традиционные меры воспитания. Но их почему-то не беспокоит моральное давление на детей со стороны безнравственной рекламы, определённых меньшинств, аморальной видео и книжной продукции. Искусственные потуги некоторых политических сил надуманно раздвигать границы свобод и прав членов семьи, общества в целом и групп извращенцев не менее глупы, чем искусственное сужение прав и свобод членов семей и общества в целом.

Народы и государства, вставшие на путь неуклонной формализации своих языков и своих отношений, одновременно встали или встают также и на путь вырождения себя, как народа. В Западной Европе национальные языки более формализованы, чем в Восточной Европе. И именно с Западной Европы идёт формализация семьи, множатся ювенальные полицейские и однополые браки. Западные общества уже настолько не состоятельные, что они не могут на деле защитить себя, свой язык и культуру от вторгающихся в них инородных общин, кланов и обществ. Вяло реагируя на всё это, они, в лучшем случае, официально отметят, что мультикультурные общества не состоялись. Как следствие, в ближайшее время мы всё чаще будем наблюдать в западном обществе случаи самопального и часто уродливого протеста против нравственного и духовного вырождения западных народов. Подобные вещи при близорукой и либерально зависимой политике в духовной и нравственной области возможны и у нас.

В этой связи возникает практически важный вопрос: Как можно проверить, к категории добра или зла принадлежит то или иное общественное явление? Это, в частности, можно сделать с помощью предельного перехода. В этой статье этот переход уже был использован при рассмотрении предельных состояний общества, состояния 1 и 2. Если при мысленном распространении изучаемого явления на всё общество, общество не распадается, не становится более опасным для членов общества, а наоборот становится более устойчивым и жизнеспособным, рассматриваемое общественное явления принадлежит к категории добра, и наоборот. Для примера рассмотрим такое явление, как воровство и начальное накопление капитала. Предположим, что все члены общества стали жить воровством и накоплением капитала, и больше ни чем. В итоге настанет такой момент, когда всё наворованное и пригодное в пищу съедят, воровать и накапливать

съедобное уже больше будет негде. В этом случае несъедобные накопленные вещи уже никого интересовать не будет, общество не спеша потянется на кладбище. Ясно, что с точки зрения существования и развития общества, воровство - это зло.

Аналогично, предположим, что однополые брачные пары для общества это хорошо. Предположим, что их становится всё больше и больше. Чем в обществе больше однополых пар, тем в общем случае меньше будет в нем нормальных двуполых пар. Следовательно, в обществе будет всё меньше детей, и последующие поколения будут меньше предыдущих. Кроме того, воспитание молодёжи идёт в основном посредством примеров, а не нотаций, и однополые пары будут также воспитывать своим примером, они, пусть и нехотя, будут склонность молодёжь к однополым связям. При предельном переходе общество сведётся к однополый любви и выродится. Однополые пары и браки в пределе для общества губительны.

По-хорошему поучителен опыт русских старообрядцев. Начиная с последней трети 17-го века, жизнь старообрядцев была исключительно сурова. Судьба разбросала их по всем континентам. Сейчас они живут в России и на всей территории бывшего СССР, в Румынии, и на Аляске, в других штатах США, в Южной Америке, в Австралии и Турции. Стойкие и мужественные старообрядцы достойны уважения уже за то, что они в большинстве своём в труднейших условиях смогли сохранить свою веру, свой уклад жизни, своё общество и свой русский язык. <...> Их вероисповедный, общекультурный и языковой опыт особенно ярко и достойно выглядит на фоне поведения людей современной либеральной расхристанной формации. Последние, ещё не успев доехать до Англии или Америки, уже забывают русский язык и переходят на английский. Тем они являют собой пример вырождения, свой язык они не хотят считать своим. Вырожденцам, как правило, всё равно на каком говорить языке, и какой веры и философии жизни придерживаться.

История же русских старообрядцев - это очевидное свидетельство принципиальной важности единства веры, языка и общества, как мощного основания жизненной стойкости.

Эта глубокая и даже мистическая связь веры и языка в людских сообществах, и особенно в церковном обществе, в Церкви, имеет первостепенное значение как главенствующая жизнеутверждающая сила народа, и, прежде всего, народа Божьего. Глубокая мистическая связь веры и языка особенно важна в церковных богослужениях и таинствах. Поэтому постоянный бубнёжь в либерально-интеллигентской среде о необходимости замены церковно-славянского языка на «язык попроче» есть следствие либо не понимания ею существа дела, либо сознательного желания разрушить или подорвать РПЦ и духовную основу нашего общества и нашей культуры. Но русские люди

уже усвоили исторические уроки (нерусские - может, нет), говорящие о том, что удары по русскому языку, церковно-славянскому языку, РПЦ и России всегда наносятся согласованно.

Осознанный или неосознанный уход некоторых членов общества от своего родного языка, чаще всего, связан с поверхностным любопытством и желанием «пощеголять» экзотическими словечками. Но всё это уводит людей в мир большей неопределённости, декоративности бытия, к ощущению распутья и запутанности жизни. Подобного типа люди очень охотно наделяют иностранные слова новыми смыслами и оттенками смыслов, которых природно в этих словах никогда и не было. Эти люди хотят видеть в иностранном языке больше, чем в нём заключено. Даже некоторые учёные с известной нарочитостью и важностью утверждают, что английское слово «криативность» точнее передаёт смысл творчества, чем русское слово «творчество». Для англичанина - возможно, но для русского человека оно вообще ничего не передаёт, кроме фонетического шума.

Строго говоря, слово «криативность» с точки зрения русского словаря, русской системы понятий и русского словообразования вообще ничего не значит. Оно может что-то значить в нашем языке только в том случае, если мы договоримся и вложим в него некий смысл. Мы может вложить в него смысл, связанный с творчеством, а может вложить смысл, связанный с «криатинизмом» или «кретинизмом». Фонетически слово «криатив» в векторном пространстве фонем заметно ближе к слову «кретин», нежели к слову «творчество».

Указанные остепенённые модники не хотят проявлять творческого отношения к осмыслению новых и старых слов русского и старо-славянского языка. Им нравятся заморские «фантики». Что и свидетельствует о том, что они русские слова плохо чувствуют и очень формально их воспринимают. Они оторвались от родного языка, а потому - и от Родины.

В отношениях языка и общества показательное время царствования Петра I. Конечно, он сделал немало полезного для России в ряде областей общественной жизни, но в области языка, как общественной, культурной и духовной скрепы народа, он нанёс России большой урон. К большому сожалению, царь Пётр плохо чувствовал русский язык. Как следствие, он плохо чувствовал и русскую среду, и русский народ. И, как следствие, страна получила большие общественные издержки после церковных и общественных его реформ.

О сказанном свидетельствует большое число ошибок, которое Пётр делал в официальных и неофициальных бумагах. Вот примеры. До нас дошли учебные тетради

молодого Петра. Из них видно, как плохо Пётр владел русским языком и его грамматикой. Он не соблюдает правила тогдашнего правописания, с трудом выводит буквы, не умеет разделять слова, писал по выговору, меж двумя согласными то и дело ставит твёрдый знак: *всегда, сътрелять, възяфъ* и т.п. Он не ценил русский язык, и легко заменял русские названия, имена и местоимения на чужеродные; русскую деревню Дударево переименовал в Дудергоф, русское обращение «моя душенька» на немецкое «мин херц». Однако Пётр I делал много ошибок и в иностранных словах, которыми пользовался. Языковая его платформа была очень слабой во всех отношениях. И это не было следствием простой его невнимательности, причины более глубокие.

Названия нашего города он в различных бумагах писал по-разному: где - Санкт-Петербург, где - Санктъ-Петербурх, где - Санкт-Пetersбурх, где - Санктъ-Пetersбург. Современные «птенцы гнезда Петрова» уверяют нас, что они вернули нам первоначальное название нашего города. Но какое из приведённых выше надо считать первоначальным названием нашего города - это большой вопрос? Тем более, что в самом начале строительства нашего города Пётр называл его «Новый Амстердам».

Естественно возникает и другой вопрос: «Неужели от того, что деревню Дударево обяжут называть Дудергофом, а столицу - Санкт-Петербургом, заставив при этом народ курить, пить водку и носить парики, корабли будут быстрее и лучше строиться, армия будет лучше воевать, а народонаселение в России будет быстро возрастать в числе и нравственности? История говорит, что это не так.

При Петре с помощью языка проводилась, возможно, и бессознательная, но политика расслоения общества и создания в России обособленных субкультур: наряду с народом, существовали аристократическая, бюрократическая, помещичья субкультура. При этом члены этих субкультур нередко входили в масонскую субкультуру. Дело дошло до того, что различные сословия перестали понимать друг друга, чего до Петра никогда на Руси не было. Эхо этой вредной политики доносится до нас до сих пор.

Известно, чем отношения в обществе становятся всё более формализованными, наигранными и отчуждёнными, тем меньше в нём любви, и тем всё более оно базируется не на благодати, а на законах, которых по мере формализации жизни становится всё больше. Кроме основного закона появляется огромный ворох кодексов, указов и подзаконных актов.

Язык должен быть «родным» братом веры и любви. У Петра I с этим были большие проблемы. Он и с православной верой обошёлся не лучше, чем с русским языком, поручив надзирать за РПЦ тайному любителю протестантизма Ф. Прокоповичу и униату Ф. Яновскому. При Петре I священники РПЦ подвергались телесным наказаниям даже со

стороны иноверцев. Клирики РПЦ были освобождены от этих унижительных наказаний только при Павле Петровиче.

Поучительно сравнить внутреннюю политику царей Петра I и Николая II. Если Пётр I решительно разрушал традиции русской культуры, то св. имп. Николай II их наоборот восстанавливал. Если Пётр I искажал и реформировал русский язык, то Николай II этими неблаговидными делами не занимался. Если при Петре I население в России значительно сократилось, то при Николае II оно увеличилось на 50 миллионов. Если при Петре I РПЦ была сведена до уровня правительственного ведомства, то при Николае II велась подготовительная работа по восстановлению патриаршества в нашей стране. Если Петр I созидал, ломая русское, то Николай II созидал, восстанавливая русское в России. Если иностранцы и западники способствовали Петру в его внутренней политике, то Николаю II они всячески мешали и входили с ним в открытое противодействие.

Удивительно, но люди рыночной формации оценивают исторических деятелей не по плодам их политики, а по рекламе их в западной периодике, по тому, в какую сторону их «раскручивает» западная и либерально-западническая пресса.

Одно из основных средств защиты нашего общества и нашей культуры от губительной формализации и глобализации - это живой великорусский язык, включающий в себя и литературный, и разговорный русский, и церковно-славянский, и белорусский, и украинский языки. Он обладает замечательным свойством и способностью быть учителем живой любви, а через это примером стойкости и живучести. Эту устойчивость и живучесть ему придаёт живая любовь к нему русских людей и братьев-славян. Великорусский язык живёт, развивается и набирает выразительные силы уже более тысячи лет, и большей частью без всяких реформ, формально провозглашённой конституции языка и различных кодексов, обязывающих носителей языка так-то писать и так-то говорить. Все 3 реформы русского языка были в значительной своей части искусственными и западнозаданными, преследующими, прежде всего, политические цели: это реформа языка Петра I, ревреформа начала XX-го века, либеральная реформа конца XX-го и начала XXI-го века. Русская Православная Церковь ни одну из этих реформ не приняла и всегда была примером верной любви к духу, красоте и истории великорусского языка. Историческая позиция РПЦ показывает не только духовную сомнительность реформ русского языка, но и духовную несостоятельность реформ в самой РПЦ, в частности реформ церковно-славянского языка. Наглядный пример этому - церковная реформа Никона и царя Алексея во второй половине XVII века, глубокий рубец которой до сих пор проступает на теле нашей Православной Церкви.

Русский язык уже более тысячи лет постоянно изменяется: изменилось в нём число падежей, формы глагольных времён, функции причастий и деепричастий и другое. Но великорусский язык остаётся, и никто за произошедшие изменения в нём не понёс ни административной, ни уголовной ответственности? Возникает вопрос: почему так? Что заставляло и заставляет русских людей хранить неписанные правила русского языка и творить слова в духе русского языка без всяких указующих перстов сверху? Может быть, либеральная борьба за внутреннюю свободу в русском языке? Нет. «Борцы за свободу» только наводнили наш язык иноплеменным хламом и тарабарщиной. Сейчас они стараются противопоставить в русском языке и нашем сознании волю и свободу. Свобода, по их разумению, - это хорошо, а воля - это плохо. Они говорят, что русские знают волю, но не знают свободы. Но свобода - это русское слово. И если бы мы не знали, что такое свобода, так в нашем языке не было бы такого понятия и слова, как «свобода». Тут западники совершили большой просчёт, не успев заменить в нашем языке русское слово «свобода» на какое-нибудь «либерти». Они впадают в явную нелогичность своих суждений, и должны согласиться, что для них безвольная свобода предпочтительнее воли к свободе.

Эти любители пренебрегать русским языком и русской волей неустанно также повторяют, что в русском языке и без них очень много заимствований.

По этому поводу заметим. Во-первых, западники начали действовать в русском языке не вчера, а довольно давно, не позднее X-го века. Во-вторых, с давних времён в русском языке действует русская воля, и нерусские слова постепенно поддаются обрусению, если, конечно, этому активно не препятствуют враги русского языка. В живом языке, как в любой живой системе, действует иммунитет, который иностранные антислова (антитела) переделывает в русские. Вот примеры: нерусский «алашак» превратился в русском языке в «лошадь». Такого слова в других языках нет. Французское «шэрами» превратилось в нашем языке в «шарамыгу». Найдите «шарамыгу» в других языках.

Михайло Васильевич Ломоносов в своё время сказал: «Русскому языку ныне принимать чужих не должно, чтобы не упасть, как латинскому».

Ему вторил А.С. Пушкин: «В царствование Петра I начал он (язык) приметно искажаться от введения голландских, немецких и французских слов. Сия мода распространяла свое влияние и на писателей, в то время покровительствуемых государями и вельможами; к счастью, явился Ломоносов».

Приятно удивил в отношении к русскому языку неистовый В.Белинский, подёрнутый изрядно западничеством, когда сказал: «Употреблять иностранное слово,

когда ему есть равносильное русское слово - значит, оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус».

Для тех, кто не хочет учиться на историческом опыте своей страны и на опыте своих мыслителей, приведу исторический пример, связанный с еврейским народом. За свою долгую историю евреи тысячелетиями кочевали и много раз изменяли своим языкам общения (иврит, арамейский язык, греческий, древнеегипетский, идиш, испанский, русский, английский и др.). Каков исторический результат такой языковой практики? Еврейский народ разобщён, различные его части сильно отличаются друг от друга и этнически, и по культуре, и по языку. И сейчас в Израиле евреи делятся на большое число этнокультурных сообществ (алию, евреев-татов, сефардов, ашкенази, чёрных евреев и др.). В этих условиях, спустя 3500 лет, израильское руководство проводит интенсивную политику по распространению среди евреев главенства иврита и иудаизма, соединение языка и веры, как основы для консолидации народа Израиля.

В заключении можно сделать вывод о том, что задача национальной культуры в том, чтобы утверждать и воспитывать жизнестойкость общества и его членов, хранить жизнеутверждающую силу народа, но не в том, чтобы превращать народ в кочевников, которым кроме пастбища и стойла ничего больше и не нужно.

Ответственная власть в России сегодня должна проводить политику всемерного укрепления позиций русского языка, как государственного, а церковно-славянского языка - как языка РПЦ. Кто-то может сказать, что существование церковно-славянского языка, разделяет общество по принципу деления языка на русский и церковно-славянский, как в своё время при Петре - на тех, кто говорил по-русски, и на тех, кто говорил на голландско-немо-франко-славянском субъязыке. Дело всё в том, что последний субъязык никогда не входил, как естественная часть, в великорусский язык. Все эти западнические языковые наносы только путались под ногами у русского языка. Церковно-славянский же язык всегда был составной частью великорусского языка. И современный русский в значительной степени вырос из церковно-славянского. Перечисление слов в современном русском языке из церковно-славянского займёт много время.

С точки зрения реальных угроз для русского языка и расслоения нашего общества очень большую опасность представляют такие субъязыки как: субъязык площадной брани, который почему-то лица либерального толка усердно популяризуют, раскручивают, составляют новейшие словари бранной фени; а также «англо-птичий» субъязык современной попсо-молодёжной среды, их речёвки, речевые штампы и шаблоны.

Список литературы

1. Г.Д. Колдасов. Введение в русское обществоведение. СПб, 2004.
2. Б.Г. Дверницкий. Метафизика человека. СПб, 2010.
3. Горелов А.А. Социология в вопросах и ответах. – М.: Эксмо, 2008. - 316 с.